

Ирина Васюченко

ОНИ

ПОВЕСТЬ

Ирина Васюченко

Они. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726839

ISBN 9785449071309

Аннотация

Действенная доброта – вот что особенно привлекает в замечательной повести Ирины Васюченко. И писательское мастерство, и тонкий юмор, и глубокое понимание душевных бурь – всё это несомненно присутствует; но царит над всем – доброта, проявляемая и к животным, и к людям. В современной сердитой жизни, кажущейся иногда просто собачьей, так важен этот оазис чувств, мирный дом, уголок смягчения сердец.

Они Повесть

Ирина Васюченко

Милые спутники, делившие с нами ночлег!

Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...

Марина Цветаева

© Ирина Васюченко, 2018

ISBN 978-5-4490-7130-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Там, у Цветаевой, про другое. Но именно это просится почему-то. А может, тут еще замешан пресловутый страх перед чистым листом. Он по нынешним временам не в ходу за отсутствием листа. Но ведь голый экран компьютера столь же пугающ. Особенно когда мировая атмосфера угрюма и тот, кто повадился бросать в ревущие метафорические волны бутылки со своими записочками, имеет все основания полагать, что он идиот. Куда им плыть? Кому при такой погоде твои посудыны выуживать? Дюзнутся о первый камень – и ко дну. Не понимаешь, что ли?

А если, как я сейчас, толковать собираешься о *них*, дела

твои подавно плохи.

«Они первыми бросятся нам навстречу, как только мы окажемся там...»

Не стану называть знаменитого имени той, от кого, если верить молве, исходит это обещание. Претит нынешняя развязная манера приписывать почем зря, кому вздумается что придется, а всеведущий ГУГЛ авторства не подтвердил. Но верится в него, в это авторство, ГУГЛу наперекор. Уж больно человек был хороший. Прелестный... Ведь такое мало кто способен придумать. И, что важнее, мало кому позволительно это сказать. Хоть меня взять – никогда бы. Мне и сама возможность не изничтожиться, переходя ту границу, более чем сомнительна. А поверить, что ее можно нарушить так радостно? Смешно, помилуйте!

В моих устах было бы – да, обхохочешься. А у нее почему-то нет.

Зацепило. От зависти? Не исключаю.

Все равно расскажу. Давно собираюсь. Просто так. Без надежды, что в должный час организуют встречу. Да и случись она, выйдет потеха. У меня их, ежели посчитать, много было. Это что же, стая набежит, дерясь и толкаясь?

Смешно не смешно, а заманчиво, что скрывать. Райская идиллия, как теперь выражаются, не прокатит, ну и ладно. А вообразить – кто запретит? Почему нет, ведь каждого помнишь в лицо. Видишь, как живого.

Насчет лица – это не умильности ради. Исключительно из уважения к нормам языка. «Помнить в морду» – не звучит.

Да не у всякого и морда есть. У Полуэкта, к примеру, не имелось.

Вон он, Полуэкт, хоть до поры и безымянный. Жалобно топорщится на июньском солнышке под каменной стеной университетского здания, того, «старого», что на Моховой.

Слеток воробьиный. Оперившийся. Но летать еще не умеет. Шансов у него, соответственно, ноль.

А я мимо иду. С экзамена. Конец третьего курса, сессия тяжелая, а мне плевать. Не потому, что отличница, – и близко нет. Мой победный лейтмотив без зазрения совести спёрт у Сквороды: «Мир ловил меня, но не поймал». Великий старик так похвастался на склоне дней, а я – уже, чего там стесняться! Я ого-го! Тихая – и никакого рожна не боюсь. Сильная – никогда не плачу. Лопнуть готова от эмоций, но никому не позволю об этом догадываться. Дружбу ставлю выше любви, благо с последней еще не знакома. Жить долго не планирую, этот мир того не стоит. Но пока жива, верна себе и более ничему.

Девушка, романтическая на всю голову, короче.

А он там сидит. Пропадает.

Таить свою дурацкую импульсивность от воробьянка – пустая забота, поэтому дело решает один прыжок. Ловить нет нужды – хлоп, и готово. Добыча в горсти. Горячая. Дрожит. Пути назад нет. О том, как это приобретение усложнит мою жизнь, я призадумаясь уже в электричке «Москва-Балашиха». Запоздалые сожаления ничего не меняют. С той минуты, как у случайного существа появляется имя, оно больше не приبلудное.

«Полуэкта» я позаимствовала у Стругацких. Мы в те дни азартно играли фразами из их «Понедельника», что «начинается в субботу». Ах, какой это был веселый бадминтон! Потом, годы и годы спустя, мне предстоит перечитать культовую повестушку похолодевшими глазами литературного критика, констатировать, что не все там сплошь блистательно, и схлопотать за свои кощунственные наблюдения ушат брани от фанатов, беззаветно преданных каждой написанной кумирами букве. Кто-то, как у нас принято, выскажет даже предположение, что я продалась спецслужбам. А пока я еду домой в подмосковной электричке, и в ладонях трепыхается уже не кто-нибудь – Полуэкт. Значит, всё: он мой.

Однако где Полуэкту жить?

Клетки у нас нет. Но нет и кошки – уже хорошо. Так называемую «большую» (о, боги!) комнату занимают родители. Мы с сестрой ютимся в пенальчике. Две койки. Одежный шкаф. Маленький письменный стол со стулом. Куда при-ткнуть Полуэкта?

На подоконник, вестимо. Больше некуда.

Ставится блюдце с водой. Второе с размоченным хлебом и крутым толченым яйцом. Смысла в этом мало, воробей еще не научился клевать самостоятельно. Пихать липкие кашы ему в глотку буду я, и делать это придется как можно чаще. Каникулы, считай, насмарку, черт! Ну, пусть еда все-таки стоит перед клювом постоянно. Авось это пробудит в Полуэкте дух инициативы.

Жердочку бы надо. Он же птица.

Сколотить я, безрукая, ничего не сумела. Какую-то коробку... или ящик фанерный... – в деталях память все же подводит, картинку заволакивает туманом – словом, что-то уродливое, на что воробей может при желании вспорхнуть и уцепиться коготками, я на подоконник взгромоздила, и дело с концом.

Отец поморщился: его позволения «опять не удосужились спросить». Но из-за такой маленькой гадости, как Полуэкт, сцену закатить не снизошел. Будучи мастером монологов громоподобных и саркастических, презрел этот пучочек перьев, как слишком ничтожный повод для словоизвержения, обличающего мою дочернюю бессовестность. Мама и сестра отнеслись с пониманием, то есть безопасно и великодушно. Из чего, однако, не следует, что на них можно свалить такую нудную комиссию как кормление птенца.

Теперь изволь, сдав очередной предмет, нестись, как ошпаренная, домой. Иначе Полуэкт сдохнет, чего доброго,

с голодухи. Прямо над блюдцем с едой.

Бесцельные блаженные шатания с друзьями по Москве приходится отложить до лучших времен. Мало того: из-за Полуэкта я отказываюсь от баснословно дешевой – в кои-то веки даже мне по карману! – путевки на юг. Куда? Что-то на «А» – Алушта? Анапа? Кто ее предлагал? Забыла. Но как горевала и злилась, помню. Ведь еще ни разу не видела моря! А мечтала о нем всю жизнь! Почему я тогда мимо не прошла? Эх, некстати обуяла дуру сентиментальность!

Вдобавок Полуэкт, как выясняется, крайне неудобный питомец. При первых лучах рассвета комнату наполняют его пронзительные вопли. А я не мама-воробыха, я всем совам сова. Мне бы в самый раз еще часов пять подрыхнуть. Не тут-то было. Вставай, тащись, пошатываясь, к подоконнику, заталкивай корм в жадную крошечную пасть, роняй размокшие мерзкие крошки, неловкими спросонья пальцами подбирай их, роняй снова. И так каждое утро.

Поначалу пробую сопротивляться. Натягиваю одеяло на уши в надежде заглушить младенческое истошное верещанье, поспать еще хоть минут пятнадцать... десять... пять... Полуэкт в два счета пресекает этот бунт. Он летает, оказывается! Еще плохо, но вполне достаточно, чтобы спорхнуть с подоконника, прошелестеть, отчаянно молотя крылышками, через комнату и с безошибочной меткостью приземлиться на мою макушку, торчащую из-под одеяла. Там несносный птиц принимается топтаться, тычется клю-

виком, щекочет коготками, вороша волосы и не переставая орать.

– Будь ты неладен, исчадие птеродактиля!

В детстве я уже пробовала выкармливать слетков. Они неизменно погибали на вторые-третьи сутки. Неужели Полуэкт выживет? Я, взрослая дылда, хоть не удержалась от очередной попытки, помнила, как хоронила своих пациентов под старой лиственницей, и на успех надеялась мало.

Но дни шли. Сессия кончилась. Июнь миновал, благополучно начался июль. Каждое утро кляня Полуэкта, на чем свет стоит, я сама не заметила, как привязалась к нему. А он уже и сообразительность проявлял – пытался поклевывать корм из блюдца. Пока не получалось, но было видно: еще чуть-чуть, и он это освоит. Наконец-то станет можно исчезать из дому на многие часы. Я обрету свободу.

Обрела. Но не так.

Казалось, все идет, как обычно. Звонкие требовательные крики на рассвете. Заполошный шелест лупящих по воздуху слабых крыльев, умилительно щекотная возня, будто у тебя на голове в панической спешке выют гнездо. То же, что всегда, редкое едва слышное чириканье днем и затиханье под вечер.

И все же настало утро, когда никто меня не разбудил.

Птичка лежала на боку возле блюдца с кормом.

Старой лиственницы у меня уже нет. Да и лопаты. Мы больше не живем, как раньше, в сколоченной папиными ру-

ками несусветной хибаре под высокими деревьями, среди чиста поля. Кому нужна лопата в пятиэтажке городского типа?

Да и мне незачем. Я взяла то, что валялось на подоконнике, прицелилась и зашвырнула в пыльную заросль крапивы за окном. Это уже не Полуэкт. Ведь я и сама не имею ничего против, если суждено истлеть в бурьяне. Каким будет конец, последнее, что случится со мной, – это важно, да. Но то, чему потом гнить, – не я. Мне безразличны ритуалы. Все. Любые.

Что с ним-то стряслось, с Полуэктом? Почему? Ночью, пока все спали. В тишине. Он не кричал. Я бы услышала.

Две слезы выползли. Здрате! Что за чушь? Ведь я и правда не плачу. Даже когда позапрошлой весной умерла лучшая школьная подруга. Первая встреча со смертью близкого человека страшно вышибла из колеи...

Ладно, не первая. Была еще бабушка. Но там смерть пришла как освободительница. Добрых... нет, безобразно жестоких полгода старая женщина пролежала в параличе. Не то, что встать – слова не могла выговорить. Положим, я еще раньше отошла от нее, когда-то любимой. Бабушка, по натуре ласковая, мечтательная, смешливая, выросла в жесткой семье немецкого профессора. Была несокрушимо благовоспитанна. Теперь-то понимаю, до чего он хрупок, этот панцирь хороших манер – единственная ее защита от грубости, царившей в окружающем мире, за долгую бабушкину жизнь предательски изменившемся. Да и от такого

зятя, как наш с сестрой родитель, не было у нее иной обороны. Но меня, подростка с идеями, чем дальше, тем сильнее бесило, что рядом – будто не родная душа, а демонстрационный стенд подобающего поведения. Казалось, хоть рухни сейчас небесная твердь, мне покажут, как надлежит вести себя воспитанной особе, когда ей на голову падает небо.

Да, о бабушке я не горевала. Эта грусть догнала позже. Но когда не стало Галки, с которой еще вчера болтали, хохотали, философствовали, бродя по Москве и жуя зеленый виноград – с особым вкусом оттого, что немывтый... Ох, я насилу оклемалась. Мыкалась, сама не своя от тоски. И все всухую. А тут, проводив взглядом темный комочек, описавший дугу в последнем полете, хнычу, как корова. Почему? Это оказалось большее, чем ожидала?

К осени воспоминание о Полуэкте озарится лучезарным, едва ли не мистическим сиянием. О, птица счастья! Ведь это из-за него я прошляпила анапскую путевку. А упустив ее, поневоле коротала летние недели, болтаясь, где ни попадя. Так и забрела от нечего делать на Бережковскую к отдаленным знакомым, застав у них другого, тоже не частого гостя. Занятный такой грустноглазый шутник, очкарик-краснобай, странно даже, что не из наших, не с филфака. Этот парень чуть не силком всучил мне потрепанный номер жур-

нала «Москва» с первой частью недавно вышедшего романа «Мастер и Маргарита». Я высокомерно отнекивалась – мол, сенсации наводят на меня скуку, пожалуй, я полистаю это лет через десять, когда восторги утихнут и толпа рассосется.

Но собеседник так пылко убеждал, так шпарил наизусть диковинно роскошные пассажи про какую-то тьму, пришедшую со Средиземного моря, и белый плащ с кровавым подбоем, что я снизошла. А уже на следующий вечер, ошалеv от бессонной ночи, проведенной за чтением, обрывала телефон:

– Хочу вторую часть! Можно сегодня?

– Прости, но... у меня ее нет.

– Что?! Какие к черту извинения?! Так не поступают! Мне нужна вторая часть!

Я не говорю с людьми – ни близкими, ни тем паче полупознакомыми – в манере «вынь да положь!» Это в моей практике был единственный случай. Похоже, меня обуяли демоны.

Журнал он раздобыл. По тем временам это стоило подвига. Деяние в стиле рыцарских романов. А вскоре мы уже вдвоем, в соавторстве родили глубокое литературоведческое заключение:

– В этой книге потрясающе все, кроме мастера и Маргариты. Автору мерещилось, что он сочинил историю великой любви? Ха! Да эти бледные тени ее близко не видели! Кому и знать, как не нам?

Та встреча была случайной. При одной мысли, что могли разминуться, я еще долго буду леденеть от ужаса. Благословен усопший воробьенок!

Однажды я перестану благословлять его.

А много позже, в другом тысячелетии, ни с того, ни с сего сочинится гунделка. Глуповатый, но ласковый, кто понимает, привет им обоим.

Да, и Полуэкту и изменнику:

*Ты, птица, прекрасна, когда пролетаешь
Вдали неизвестно куда
И в бледном пространстве изысканно таешь,
Притом навсегда.
Тотчас ретивое рванется вдогонку,
А крыльев-то нет, не дано.
В квартире же ты омерзительно звонко
Орешь... И потом, гуано...
Никак нам с тобою не слиться в экстазе,
И эта разлука навек.
Мой прежний супруг тут прибегнул бы к фразе
«Вот так же и ты, человек!»*

Спасти того, кто погибает, – это ведь соблазн. Еще какой! Промелькнут пять лет... оглянувшись издали, видишь, что

они именно промелькнули, а тогда этот отрезок пути казался моей главной, наконец-то подлинной жизнью, вместившей столько всего...

Чего? Сколько? Милый невесомый прах высыпается между пальцами. Да и речь не о том. Итак, через пять лет после неудачи с Полуэктом меня постигнет новое искушение. На сей раз я устою.

Решение такого рода принимаешь в считанные минуты. Но бывает, что помнить его суждено всю жизнь. Тогда именно так и вышло.

Воскресный солнечный день. Расторгуево, поселок детства. Мы с ним расстались тогда же, когда с детством – в мои девятнадцать. Возвращаться сюда после Галкиной смерти мне довелось трижды. Импульс был всегда один – продемонстрировать свою историческую местность кому-то, кому, как предполагалось, важно узреть мою колыбель. В последний раз я совершила сие паломничество с тем самым поклонником Булгакова, что ниспослан мне взамен ускользнувшей путевки в Анапу. Мы с той поры неразлучны. Если сейчас я одна, муж, надо полагать, в командировке.

Откуда эта блажь, что за смятение толкнуло потащиться одной в такую даль, в поселок, некогда опостылевший, словно тюрьма? Видно, что-то со мной уже не так. Счастье, с которым я ношусь, как с писаной торбой, дало трещину. Только я пока об этом не знаю. Как и о том, что следующая одинокая прогулка по здешним местам ждет меня на седьмом

десятке биографии, затянувшейся сверх предположений надолго. Это будет прощание перед отлетом в Израиль. С мужем.

Не с этим, с другим.

А пока перед глазами проплывают серые, до мелких трещин памятные заборы, домики, сосны, поле за оврагом, груда прелых досок на месте нашей хибарки, пруд, кладбище. Пора возвращаться. Взойду еще только на тот косогор – мы там когда-то...

Додумать не успеваю. На холмике, где я собиралась напоследок испытать еще один мучительно сладкий приступ ностальгии, лежит больная собака.

Невзрачная мелкая дворняжка. Короткошерстная, тускло желтая. Забилась в ямку. Или сама ее вырыла, обеспечила себе последний приют.

Когда с детства имеешь дело с животными, учишься их понимать без перевода. Пока мы здесь, в Расторгуеве, жили, у нас всегда были собаки.

Эта уже ни на что не надеется. Наши взгляды встречаются, и желтая говорит:

– Уходи. Не мешай умирать.

Она сдалась, но я-то не хочу. В разы быстрее, чем можно об этом рассказать, представляю, что сейчас сделаю. Добегу до ближайшей помойки – вон в том переулке, кажется, маячила мусорная куча. Отыщу, если повезет, какую-нибудь тряпку, на худой конец газету. Псина грязная, а на мне,

как на грех, светлое платьишко-мини без рукавов. Ее надо бы во что-нибудь завернуть. Она не встанет, уговаривать бесполезно. Значит, понесу. Сколько она весит? Килограммов пять, как минимум. И у нее наверняка что-нибудь болит, нести придется осторожно. Сумочку под мышку. Будет страшно мешать, ладно, справлюсь... До станции по жаре минут сорок. Электричкой до Павелецкой – еще столько же. Потом на метро до Курской, оттуда опять электричка до Балашихи. Ну, и там от станции полчаса через парк. Сегодня к ветеринару не успеть. Значит, завтра.

Мысленно я уже затаскиваю собаку на наш третий этаж, обливаясь потом и задыхаясь. Тут-то воображение, достоверное, как система Станиславского, напомнило, чего ждать в финале. Вот я на подгибающихся от усталости ногах переступаю родной порог, таща в охапке свою полуживую ношу. И тут на нас обрушивается мощный голос с актерским раскатистым «Р», с богатыми язвительными модуляциями:

– О, подарок? Премного благодарен! А теперь, будь любезна, убери эту мерзость с моих глаз и потрудись – знаю, от тебя мудрено ожидать благоразумия и такта, но все-таки потрудись впредь избавить меня от сюрпризов подобного сорта!

Надеяться, что все обернется иначе, оснований нет. Мама не поможет. В душе она на моей стороне, но бережет мир в семье. А для этого существует единственный способ – уступить ему. Всегда и во всем.

Правда, мы с мужем живем на две квартиры. С тех пор, как сестра перебралась в университетское общежитие, это возможно. Квартиры абсолютно одинаковые – у него в Железнодорожном такая же двушка, как наша балашихинская: в проходной комнате побольше живут родители, в узкой крошечной – мы. Так, может, туда?

Нельзя. Его старики недавно из села. Собака понятна им только на цепи, как сторож. Для них это одна из прелестей жизни в доме городского типа: наконец, хоть на склоне дней, никакой скотины! И тут я приволоку... Нет, скандал они вряд ли устроят. Моя персона действует на них ошеломляюще. Вежливость, обеспечивающая дистанцию почти официальную, глухая закрытость с неизменно приветливой улыбкой, мальчишеское равнодушие к быту, нежелание рожать – по их меркам я, должно быть, монстр. Они-то мне втайне симпатичны, я понимаю, как это много с их стороны – не возненавидеть меня. Но сближение исключено. Такой, как я есть, они меня не примут никогда. А я никогда не стану другой им в угоду. Тут дистанция необходима. Спасительна для обеих сторон. При таких обстоятельствах злоупотреблять их растерянным терпением было бы подло...

– Да иди уже, – собака устало прикрывает глаза.

У нее нет имени. И не будет.

Я шагаю по утомительно знакомым улицам налегке. Если не считать бульжника, засевшего где-то в области диафрагмы. Глаза ни на что больше не смотрят. Скорее бы домой.

Домой? У меня нет дома. Шавка, подышающая в пыльной яме, на прощание одарила меня сногсшибательным открытием.

Крыша над головой – да, есть. Теперь, можно сказать, целых две крыши, и что с того? Я окончила университет, таскаюсь на постылую службу, даже замуж вышла, чего трудно было от меня ожидать. Вроде по всем статьям взрослая, поздно мечтать о том, что будет, «когда вырасту». А дома нет, как и не было. Твой дом – это место, куда ты вольна привести, кого пожелаешь. Шелудивого пса, друга, терпящего бедствие, беглого заключенного, бродягу в истлевших лохмотьях. Никто не может тебе это запретить, никого не надо умолять о позволении. Где такое право есть, там и дом, будь он хоть бочкой, как у Диогена. Но если нет, не обольщайся, знай: ты бездомна. Так только, ютишься в уголке. Хижины или дворца, все едино.

Доза горечи в сем нехитром умозаключении такая, что я пугаюсь. Второпях напоминаю себе, что несказанно счастлива. Пропади пропадом все дома на свете, пусть у нас на веки вечные над головами только навес от дождя – главное, мы с ним нашли друг друга!

Из командировки любимый возвращается с бутылкой портвейна, чего и следовало ожидать. Мы распиваем эту подозрительную жидкость кирпичного цвета вечером в нашем пенальчике. Тускловатая лампа освещает две прикнопленные к стене журнальные картинки. Когда садишься за стол,

они торчат прямо перед глазами. На одной щекастая котовья морда, на другой – гнусного вида дракон-альбинос. Первый мил и по тем временам популярен. Не настолько, как почти обязательный портрет Хемингуэя, на которого он даже слегка смахивает, но котище бесспорно оценен публикой – я его встречала на чьих-то еще стенах. Дракона же при всем почтении к мифическим существам лучше бы упразднить. Вид у бедняги такой, будто он состоит в ближайшем родстве с глистами. Но я не посягаю ни на того, ни на другого. С момента моего воцарения на этом пяточке здесь ничего не изменилось. Что, пожалуй, странно. Никогда раньше об этом не задумывалась...

Мы весело делимся впечатлениями дней, проведенных врозь. Потом, слегка пригорюнившись, я вспоминаю о желтой псине. Не о пресловутой бездомности, нет – еще не хватало отравлять наш вечер бесполезными ламентациями! – только о бедной ничейной дворняжке:

– Ужасно хотелось ее взять. Но куда? Мой родитель поднял бы адский хай, твои... вообрази их восторг! А она так смотрела! Презрительно. Будто заранее знала, что ждать от меня нечего.

Он выдерживает паузу, осушает бокал и медленно, будто в раздумье, произносит:

– Если бы ты была настоящим поэтом, ты взяла бы ее, несмотря ни на что.

Это не про то, что я сочиняю шуточные стишки, кото-

рые впоследствии, уже без него, получают прозвище гунделок. И не о том, что он охотно обзавелся бы домашним животным или вдруг пожалел умирающую собаку. Тогда о чем? О разочаровании. Я не настоящий поэт. Не такое чудо, каким казалась.

Чудо, оно бы не размышляло. Повинуясь первому и лучшему порыву, схватило бы желтую в охапку, приволокло... а потом? Оглушило бы недовольных домочадцев воплями, утопило в слезах, гневно затоптало вот этими плоскими, без каблучков босоножками? Интересно, как он себе это представляет. Спросить?

Не стоит. Его слова вряд ли что-нибудь значили, вернее, они – еще один симптом того, что меня давно тревожит. Он чем дальше, тем быстрее пьянеет.

Фраза повисает в воздухе. От нее веет холодком. Хотя он, похоже, забыл, о чем говорили. Опрокидывает еще бокал, смотрит опять влюбленно, а вот уже затянул:

*Скажите, девушки, подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтаю,
Что всех красавиц она милей и краше.
Я сам хотел признаться ей, но слов не находил...*

Обожаю его голос. И эту манеру, одновременно беспечную и печальную. Но с какой стати ему так полюбилась песня, далеко не лучшая в его репертуаре? Цепляет, чем-то тематически близка?

Вряд ли. Что-что, а слова он умеет находить. Ни до нашего знакомства, ни после разрыва я, весь век проведя среди литераторов, не встречала смертного, способного так передавать в речи неуловимейшие оттенки смыслов и настроений. Какие-то сверхточные датчики имеются на сей счет в его технарской голове. Наверно, тем он меня и взял. Таких признаний, на какие я развесила свои длинные уши, через подружек не передашь. Да и вся наша с ним взрослая и детская, игровая и рассудительная дружба, так чарующе игравшая границами, на чем держалась? На виртуозном искусстве трепать языком. Это был преимущественно его талант. Хотя, конечно, я тоже не лаптем щи хлебала...

А все ж не зря мой самородный художник слова воспевал девушек-посредниц. Недалек час, он еще прибегнет к их услугам. Сказать, что нам пора расстаться, что встретил другую, не сможет. Впрямь слов не найдет, а кажется, чего уж проще? И предпримет взамен финт ушами. Устроит так, что подружки одна за одной станут, смущенно потупясь, сообщать мне, что он... ну, может, во хмелю, ... ну, даже наверняка не всерьез, но все-таки было бы нечестно скрывать, что он пытался... да, и еще сказал, что со мной страшно... когда женщина так видит тебя насквозь, это, пойми, чересчур...

Вряд ли его новая пассия, настоящая моя соперница, одобрила бы столь замысловатый способ разделаться с бывшей. Мне он тоже не понравился. Но ему так легче. Душе, чья сверхвосприимчивость доставляла мне столько радости,

в трудную минуту потребовались чрезвычайные меры самосохранения.

Я ухажу. В два счета избавляю его от проблемы.

Ох, какой же я была неблагодарной! Запоздалое смиренное спасибо покойной бабушке. Она не дошлифовала меня – я, к примеру, поныне ножом и вилкой орудую как-то неловко. Но при любом градусе отчаяния не бесноваться, не вымещать свои корчи на других, обойтись без нытья и трагических поз – полезный, оказывается, навык.

Да, небесная твердь таки пошла трещинами, рушится, давя меня в лепешку, кромсая и погребая с головой. Это впечатляющее действо разыгрывается наперекор естеству бесконечно долго, месяцами, хотя такого, по всему, и пяти минут не выдержать.

А я с тупым упорством продолжаю имитировать нормальную жизнедеятельность. Исправно скалю зубы при всех «Здравствуйте» и «До свидания». Учтиво хмыкаю, прослушав анекдот. Аккуратно отвечаю на письма иногородних разлетевшихся по стране однокашников. Никого не обременяю жалобами. А слезы – странно, что подушка, впитав столь многое, не скрипит от солевых отложений – проливаю по ночам. Без свидетелей.

И тут у меня появляется собака.

Это идея отца. Старик пронизателен, как змей. Мама и сестра верят в мою мифическую стойкость. Стены в квартире тонкие, практически фанера, и мне порой слышны их кухонные перешептывания.

– Так подавлена... – удрученно бормочет мама.

– И ужасно постарела! – подхватывает сестра.

– Она справится.

– Конечно, при ее-то гордости... Но так вдруг проступило, что ей уже под тридцать! Я стараюсь не оставлять ее одну, но у меня столько дел...

– Не надо. Она сама знает, как ей лучше.

Сочувствуют. Но насколько плохи дела, к счастью, не догадываются. А папу моим вялым домашним лицедейством не надуешь. Сам комедиант, каких поискать. Он-то в курсе, что я схожу с ума. Диво дивное: не шпыняет! Впервые в жизни. Положим, и не стоит труда – меня теперь не проймешь, хоть из пушки стреляй. Выстрел я бы, напротив, приветствовала. Без шуток.

– Раз ты повадилась болтаться одна по лесу, купи пса. Только, уж сделай милость, породистого. И выбери посерьезней, иначе какой смысл?

Что ж, я листаю подсунутый им (нет, ну надо же!) рекламный проспектик, останавливаюсь на боксере, просмат-

риваю объявления, звоню хозяевам оценившейся суки, еду по названному адресу и, расплатившись, заталкиваю в сумку круглое пучеглазое существо. Сумка протестующе корячится, попискивает и оттягивает руку – животное, маленькое с виду, отличается поразительным удельным весом.

По клубным правилам кличка должна быть на «А». Ладно. Допустим, Али.

С его появлением имитация жизни досадным образом усложняется. Возникают новые задачи. Породистому щенку требуется много чего. И перво-наперво лечение: Али мигом подхватывает чумку, если не куплен уже больным. Спасти его удастся, но пасть искривилась. Нас предупредили: возможно, что и нормальных зубов не будет. Такое осложнение после чумки не редкость.

– Ветеринар предложил выписать справку, чтобы можно было вернуть Али заводчику и получить взамен полноценного щенка! – негодующим басом гудит мама, взявшая на себя перипетии лечения. – Они, дескать, обязаны выдать нам другого, этого остается только усыпить!

Предложение не обсуждается. Родословная утратившего ценность Али улетает в мусорное ведро, а мы принимаемся растить криворожего дурня с желтыми пенечками вместо зубов, которому предстоит до старости сохранять щенячий нрав. Мы так и не узнаем, что это с ним – еще одно постчумное осложнение или дар судьбы, обеспечившей псу столь ценимые по нынешним временам безоблачно позитивное от-

ношение к жизни и напористую любовь к себе. Научить его чему-либо, кроме этого, так и не удалось.

Роль грозного защитника, которую ему прочили, станет предметом дежурного семейного осмеяния. А я превращусь в собачницу – мне-то от своей роли никуда не деться. Прогуливай, воспитывай, обучай на площадке и вне.

Ни шатко, ни валко исполняю положенное. Знакомлюсь с местными собаководладельцами, выгуливающими питомцев в том же лесопарке. Все мы встречаемся на его дорожках, петляющих над прудом среди сосен. На ходу обмениваемся собачьими, а то и житейскими историями, советами, шутками. Это выглядит приятельством, им не являясь. Личные качества собеседников здесь, как ни крути, фактор второстепенный. Всяк ищет общения с хозяевами собак, состоящих в дружбе с его собственной, и торопливо сворачивает на боковую тропку, заметив тех, с кем возможна грызня.

Нас никто не сторонится. Али игрив, юн, бургист и поджар, как надлежит боксеру, признан красавцем, несмотря на перекошенную челюсть, и так безобиден, что импонирует всем. Сам всех любит – дву- и четвероногих – и пользуется взаимностью.

Клуб своего рода. Люди, за редкими исключениями, милые. Я уже и собак знаю по именам. Чего от кого ждать, мало-помалу разбираюсь. А один молоденький доберман в меня влюбляется. По утрам, когда бегу на электричку, несется, унюхав издали, не обращая внимания на крики уязвлен-

ных хозяев, напрыгивает, немилосердно пятнает лапищами мои одежды, ляпает по носу мокрым язычищем.

– Хороший, – говорю я ему. – Славный пес.

А в душе, кроме боли, ничего. Люди, звери, свои, чужие – мне все едино.

Врет народная поговорка про вышибание клина клином. Если этот способ и годится, то не для серьезных случаев. Никого нового – ни собак, ни любовников – нет резона заводить, пока ты такая. Грешным делом, я так и не смогла толком полюбить Али, которым обзавелась на пике своего кошмара. Да и роман, наметившийся через пару лет, оказался пустой затеей, хотя и мой друг был добрый малый, и я питала благие намерения. Раз забрела в пустыню, остается только ее пересечь, без вариантов. Топай, как можешь, на миражи не зарься.

Однако Али все-таки не мираж. И не только потому, что туловом плотноват: больно увесистый обман зрения. Главное, в наших стенах он появился очень кстати. Стал настоящей отрадой. Но не для меня – для мамы.

Прежде ей помогала жить наша дружба. Задорный романтический союз. Он не нуждался в излишествах, подарках, знаках ритуального внимания – мы с ней в грош их не ставили. Когда мне пришлось подделывать внешние проявления своего разрушенного изнутри бытия, оказалось, что формальностям, которые можно симитировать, между нами нет места. А так понимающе встретиться глазами в самую нужную

долю секунды, заговорщицки ухмыльнуться, со вкусом выдать цитату из Козьмы Пруtkова или Тэффи, как водилось у нас прежде, – ничего этого я больше не могу.

Гомеопатические крупицы радости, сущий пустяк, но без них мама осталась один на один с нудными тяготами быта, отцовыми злыми нападками, сетованиями разочарованной жизнью сестры. Все это и раньше медленно подтачивало ее, а когда единственная крошечная отдушина закрылась, стало убивать.

– Когда же ты опять станешь веселой? – вырвалось у нее однажды так тоскливо, что у меня сердце упало. Я бездарно проямлила что-то ободряющее. А внутренний голос каркнул свое «Невермор».

Зато Али весел неподдельно и постоянно. Резвый, придурковато хитрый, шаловливый. Он создает уйму проблем, но его неуклюжая суета разгоняет морок уныния. Вертя мускулистым задом, он с грохотом обрушивает стулья. Вертя передом, ликующе разевает пасть, пускает пузыри и плюется, как верблюд. Толкаясь – похоже, нарочно, из озорства, – оставляет на своих и чужих липучие рыжие шерстинки.

Он смешной. Маме необходимо смеяться. Это для нее условие выживания. Раньше мы смеялись вместе. Поводы изыскивали где придется, все шло в ход – книги, повседневность, воспоминания. Теперь ей осталась в утешение только лукавая Алишкина рожа с вечной ухмылкой и торчащим справа одиноким недозубом. Неважно, что он не светоч ума,

наплевать, что ни к кому особенно не привязан – всем одинаково рад. Он радуется – вот что главное. Тут на него можно положиться.

Выгуливать это сокровище – то еще приключение. Держать его вечно на поводке жестоко, а отпуская, приходится много чего бояться. Ненавижу конфликты. А ему только дай подразнить прохожих. С лаем носится, петляет вокруг перепуганной старушки или разъяренного офицера, забавляется стонущими вскриками одной и грозным рычанием другого. Отбирает у гуляющих детей мячи, а у мужиков, вздумавших нарубить в лесопарке хвороста, топоры. В ответ на такую попытку один недоумок чуть не раскроил ему череп. Доверчивый пес в восторге – игра же! – плясал перед ним, увертываясь от топора с поистине боксерской сноровкой, а этот тип, плотоядно бормоча «Урою, падла!», снова и снова прицеливался, размахивался, мазал, прицеливался опять.

Я бежала к ним со всех ног, выкрикивая извинения и уверения, что «не укусит», но осознав происходящее, изрыгнула угрозу, какой от себя не ожидала. Затрудняюсь вспомнить в точности, что именно услышал из моих уст дровосек, но прозвучало экспрессивно – противник спасовал. Подозреваю, однако, что моя старорежимная бабушка таких бы слов не одобрила.

В тот момент до меня дошло, что какая-то жизнь во мне, пожалуй, теплится. Но пока никто не посягает на безопасность Али, он меня положительно бесит. Ходить с ним на со-

бачью площадку скука смертная. Рывканье тупого отставника-инструктора «Собака должен знать дисциплину!» навязло в ушах. Али с особым цинизмом плюет на этот лозунг. На занятиях он кобенится, как ленивый троечник. Команды худо-бедно выполняет, похоже, все-таки опасается инструкторского гнева, но всем существом дает понять, что с его стороны это не более, чем одолжение. Дома, где ничто не отвлекает, в охотку изображает из себя ученого пса. Перед гостями выпендривается. А вырвавшись на волю, никаких «Ко мне!» и «Фу!» знать не желает, чинно шествовать рядом отказывается категорически, и не поймешь, что с его двойными стандартами делать.

– Я думала, он чистосердечный дурак, а он еще и прикидывается! – брюзжу я. – Стоит ли давать ему образование?

– Хочешь, я буду водить его туда? – предлагает мама. – Пусть уж доучится. Тебе надоело, а я полна свежих сил. К тому же ты ходишь в должность, а я свободна.

– Правда? И тебя не затруднит?..

– Нисколько.

С этого начинается мое постепенное, шаг за шагом уклонение от прямых обязанностей. Мама не свободна, куда там: она тащит на себе все хозяйство дома сего и терпит все его занудство. А ведь ей за семьдесят. Но она держится так, что об этом легко забыть. Пройдет год-другой, и никто не вспомнит, что Али куплен, собственно, для меня. Он мамин. Уже не я, а она приносит с прогулок нехитрые байки лесопарко-

вого собачьего общества:

– Помнишь Оду и Тегри?

– Конечно. Серая грозная боксериха и рыжая глуповатая догиня. Подружки.

– Они в ссоре! Возненавидели друг друга люто. Их хозяйка теперь только и делают, что озираются, опасаясь встречи. Вместо «Добрый день!» кричат издали: «Вы случайно Оду не видели?», «Простите, там Тегри не пробежала?» А сегодня недоглядели. Врагини столкнулись нос к носу. Сцепились! Ревели, как бешеные львы! Хозяйка Тегри чудом умудрилась поймать ее за ошейник, а Владовский – при его-то чопорности! – в прыжке плюхнулся на живот и ухватил Оду за задние лапы. На это стоило посмотреть!

– Они подрались, а у тебя рука перевязана. Ты что, ввязалась в миротворческую операцию? Пролилась кровь?

– Ну, пролилась, – мама мрачнеет, сердито дергает плечом. – Там ввязываться было ни к чему, они сами справились. Меня тяпнула Криста. Бедная собака, у нее хозяин сволочь...

Криста – черная терьериха, она души не чает в маме. Увидев ее, бежит навстречу, льнет кротко и жалобно, бодается, будто кот-гигант, лохматой башкой, просит ласки...

– Не может быть! Как это случилось?

– Все было, как всегда. Я ее гладила. Она вдруг дернулась и вцепилась. Наверняка у нее там, под шерстью, ушиб, я сделала ей больно. Собака замучена вконец, этот гад ее бьет.

Он и тут набросился, принялся избивать несчастную. Я пыталась его остановить, но где там, это же форменный садист! Сам говорил – завел собаку, только чтобы на щенках подзаработать! Относится к ней черт знает как, запугивает, истязает! Это у него называется «собаке нужна мужская рука!» Ох! Самого бы его так!

Непроизвольно сжимает кулаки. Красное пятно на бинте взбухает новым соком. Мама не смотрит – подумаешь, царапина! Она лихо дралась в детстве, которое пришлось на годы военного коммунизма – шальное время, когда профессорская внучка могла предводительствовать поселковой мальчишеской ватагой. Заслушаешься, какими страстными понятиями о благородстве ее бандиты руководствовались. Было нельзя ударить упавшего, постыдно напасть вдвоем на одного, немислимо обидеть увечного, будь он хоть трижды доносчиком, а если крадешь яблоки в чужом саду, дело хорошее, но не вздумай ветку сломать! И вопрос чести – защищать слабых! Сейчас, я-то знаю, в ней на миг «открыла два огромных глаза» не печаль, а отроческая рыцарственная мечта отметелить негодяя за бедную Кристу.

– Мама! Он победит! Я его помню. В нем килограмм сто пятьдесят! И это не жировая ткань, а стальные мускулы. Ими же плотно набит его череп. Жалко Кристу. Но тут ничего не поделаешь. Она уже сумасшедшая. Держись от нее подальше, – говорю я, понимая, впрочем, что сотрясаю атмосферу напрасно. Маме тоже жаль истеричную терьериху,

но не так отвлеченно, как мне. При первой же встрече она ее снова погладит. Не бросать же друга в беде из-за пустячного укуса!

– А знаешь, какой смешной казус случился с Владовским в экспедиции?..

Вот о Владовском не надо бы. Вторичное упоминание одной и той же фамилии, тем паче мужской, отцу не понравится. Он тиранически ревнив, ему невыносимо любое проявление маминого интереса к кому-либо, кроме его персоны, и с годами эти страсти не остывают. Владовский – собранный, до педантизма опрятный, рано лысеющий мужчина лет сорока, самый занимательный из всех собеседников, каких возможно встретить в нашем лесопарке. К тому же он снижал мамину приязнь по-умному заботливым обхождением со своей любимицей, этой жутковатой Одой. Ода – единственное в мире существо, перед которым благоговеет Али. Мы, хоть мама, хоть я, можем сколько угодно надрываться, оглашая местность унылыми призывами «Али, ко мне!» – он появится не раньше, чем сам того пожелает. Но случись рядом Владовский, все решается мгновенно. Стоит ему обронить вполголоса:

– Ода, Али – к хозяйке, – и дело в шляпе. Собака ныряет в чашу, что у них там происходит, остается за кадром, но почти сразу они появляются вдвоем. Наш рыжий нахал трусит следом за суровой, темно-серой в полосочку Одой (эта масть у знатоков именуется тигровой, хотя не похожа). Его

круглые гляделки прикованы к обрубку ее хвоста, в них читаются преданность и восхищение. Даже вечная кривая ухмылка с торчащим коричневым недозубом кажется не дерзкой, а подобоострастной. Негодный пес давно прошел весь курс собачьего обучения, но, кроме Оды, никто ему не указ. Она же, как водится у царственных особ, позволяет себя боготворить, не более того.

– Пятеро друзей, все из одного НИИ, – беззаботно продолжает мама, а я вижу, как леденеют без того светлые глаза на отцовской небритой физиономии, как кривится тонкий ехидный рот, – взяли отпуск. Идея – бежать от цивилизации. Подались наудачу, куда глаза глядят. Дома предупредили только, что направление – север. Забрались там на какой-то остров, где, кроме поселочка и леса, ничего нет. Поставили на берегу палатки, ловили рыбу, жгли костер, блаженствовали. Только на жен злились: ни одна за месяц даже открытки не прислала. Они-то чин-чином бросали свою корреспонденцию в почтовый ящик, обратный адрес «до восстановления» сообщили... Только перед самым отъездом выяснилось: этим ящиком, что на стене почты, пользоваться не принято. Письма надо было отдавать продавщице в лавке! Кто бы догадался? А женам какво? Сгинула же вся группа, ни слуху, ни духу, неделями нет вестей! Они уже считали себя вдовами. А мадам Владовская с ее нервами, она же, наверное...

Какие они разные, родители! Мама, загорелая, с размаши-

стыми движениями не по-женски больших добрых рук и все еще отливающими зеленью молодыми глазами, не умеющими загодя примечать опасность, и он – бледный, как гриб в подвале, надменный, малорослый, хищно настороженный: о, не надейтесь, от него ничто не укроется! Даже то, чего нет.

Жалеет ли он, что когда-то предложил мне купить собаку? Ведь если бы не Али, в маминной жизни не появились бы все эти отвлекающие глупости, эти, может статься, греховные искушения!

Вопрос праздный. Отец ни о чем не жалеет. Все, что он когда-либо сделал, сказал, решил, было правильно до великолепия. Если же последствия столь безукоризненных демаршей выйдут все-таки неважнецкие, ответственности он на себя не возьмет, не мечтайте. Он звучит так гордо, что даже по мелочам не раскаивается. То, что ему не к чести, подлежит забвению. Дурная выходка, несправедливое обвинение, неудачный замысел?! Их не было! Какая низость – приписывать ему подобные вещи! Он не имеет к ним ни малейшего отношения. Кто угодно, только не он!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.